

Характер Люблинской унии и польско-литовской Речи Посполитой в оценке Ивана Ивановича Лаппо

Томаш Амброзяк

The nature of the Union of Lublin and the Polish-Lithuanian Commonwealth in the assessment of Ivan Ivanovich Lappo

Tomasz Ambroziak

(Ural Federal University named after the first President of Russia
B.N. Yeltsin, Yekaterinburg)

DOI: 10.31857/S086956870010777-5

Несмотря на то, что изучение Люблинской унии является постоянным предметом интереса для представителей многих национальных историографий, всё же открытым остаётся вопрос о характере созданного в 1569 г. польско-литовского государства и его дальнейшей эволюции¹. Неизбежно в этих дискуссиях немалое место принадлежит оценке наследия предыдущих поколений учёных², к числу которых принадлежит российский историк Иван Иванович Лаппо³. На мой взгляд, необходимо рассмотрение взглядов этого историка и

© 2020 г. Т. Амброзяк

¹ Из недавних работ стоит упомянуть: *Zakrzewski A.* Between the Union of Lublin and the Mutual Pledge of the Two Nations: From the Union of Two States to the Commonwealth of Three Provinces // *Zapiski Historyczne*. Т. LXXXIV. 2019. З. 4. С. 5—40; *Zakrzewski A.* Między Unią Lubelską a Zareczeniem Wzajemnym Obojga Narodów — przemiany pozycji Wielkiego Księstwa Litewskiego w Rzeczypospolitej // Проблемы інтеграції і інкарпорації у Центральній і Усхідній Європі у першій половині Нового часу. Матеріали міжнародної наукової конференції, присвяченої 440-годовщину Люблінської унії (Мінськ, 15—17 кастрычніка 2009 г.). Мінськ, 2010. С. 232—245; *Zakrzewski A.* Wielkie Księstwo Litewskie (XVI—XVIII w.): prawo — urząd — społeczeństwo. Warszawa, 2013. С. 262—286; *Амброзяк Т.* Положение Литвы в структуре государственной власти Речи Посполитой после Люблинской унии // Уральский исторический вестник. № 2(63). 2019. С. 64—70; *Frost R.* The Oxford History of Poland-Lithuania. Vol. 1: The Making of the Polish-Lithuanian Union, 1385—1569. Oxford, 2015. P. 36—46; *Kiaupa Z.* Lietuvos istorija. T. VII. D. 1: Trumpasis XVIII amžius (1733—1795). Vilnius, 2012. P. 53—57; *Uruszczak W.* Unio regnorum sub una corona non causat eorum unitatem. Unia Polski i Litwy w Krewie w 1385 r. Studium historyczno-prawne. Kraków, 2017. С. 76—77 (URL: http://www.khpp.wpia.uj.edu.pl/documents/106750129/0/unia_polski_i_litwy_v3/a46ba21f-340d-411f-8c67-962e0e9c90a1 (дата обращения: 12.03.2020)).

² *Шэйфер В.* Дзяржаўныя уніі Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага ў ацэнцы расейскай гістарыяграфіі 19 — першых дзесяцігоддзяў 20 ст. // Гістарычны Альманах. Т. 5. 2000. С. 123—134; *Jučas M.* Unia polsko-litewska. Toruń, 2004. С. 9—80; *Błaszczak G.* Dzieje stosunków polsko-litewskich. T. II: Od Krewa do Lublina. Cz. I. Poznań, 2007. С. 15—26; *Столяров А.М.* История Великого княжества Литовского в отечественной историографии XIX — начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2008; *Michaluk D.* Unia lubelska w polskiej historiografii XIX i XX wieku // Unia lubelska z 1569 roku. Z tradycji unifikacyjnych I Rzeczypospolitej. Toruń, 2011. С. 151—184; *Rusina J.* Unia lubelska w historiografii ukraińskiej // Unia lubelska: idea i jej kontynuacja. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, która odbyła się w dniach 19—20 listopada 2009 roku w Wilnie w Muzeum Sztuki Użytkowej. Vilnius, 2011. С. 389—394; *Zakrzewski A.B.* Wielkie Księstwo Litewskie... С. 9—31; *Czerniecka-Haberko A.* Unie polsko-litewskie w historiografii polskiej. Toruń, 2013.

³ *Ragauskas A.* Istorikas I. Lappo ir Lietuva // Lietuvos istorijos metraštis. 1993. С. 81—91; *Мякишев В.П.* И.И. Лаппо — учёный с живым чувством исторической действительности // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. Гуманитарные науки. 2004. № 1. С. 162—176 (URL: http://kfindelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_prep_Lappo_Miakishev.htm (дата обращения: 01.12.2019)); *Дубьева Л.* «Отдаюся науке совсем...». И.И. Лаппо — профессор

критическое переосмысление высказанных им оценок. В этой статье рассматривается понимание учёным характера Люблинской унии и созданной в итоге польско-литовской Речи Посполитой. Вне рассмотрения останутся причины и контекст заключения унии (это было предметом недавно опубликованной мною работы)⁴. Тем не менее я всё же буду обращаться к этим сюжетам в той мере, в какой это будет необходимо для объяснения концепции Лаппо. В круг рассматриваемых вопросов не войдёт также деятельность учёного в эмиграции, я сконцентрируюсь на работах, написанных в дореволюционный период.

Не вызывает сомнения крайне негативное отношение И.И. Лаппо к Люблинской унии, её обстоятельствам, способу заключения и итогам. Но ответ на вопрос, как учёный понимал суть случившегося в Люблине в 1569 г., не является простым. В труде, посвящённом изучению истории Литвы после 1569 г.⁵, историк стремился показать, чем Люблинская уния *не являлась*. С точки зрения Лаппо, вопреки положению 3-й статьи её акта⁶, ни о каком заключении «братского» союза двух государств не могло быть и речи. Попытки определения им того, чем уния *являлась*, встречаются заметно реже и оказываются, скорее всего, частью той же схемы размышлений. Подводя итоги событий второго бескорольевья после смерти Сигизмунда II Августа, учёный утверждал: «Фикция “братства” рассеялась окончательно, и на смену ей с полной наготовой обнаружился истинный характер связи Литвы и Короны; это была юридическая сделка, формальный договор, статьи которого хотела толковать и расширять в своих частных, политически-особных интересах каждая из этих двух частей соединенного государства, бывших просто контрагентами в заключённом договоре»⁷. Характерно, что упрёк Лаппо заключался в том, что уния не была «братским» соединением, а лишь «формальным договором». Однако учёный не конкретизировал, что именно подвергается с его стороны критике. Не до конца понятным остаётся вопрос, почему предметом этого осуждения является сам факт того, что уния между двумя государствами, по своей сути являющаяся правовым актом, была «договором» или, как пренебрежительно его определяет учёный, «юридической сделкой». Историк в данном вопросе остался на уровне довольно общих утверждений явно оценочного и негативного характера.

Суждения Лаппо встретились с негативной реакцией рецензентов его труда. М.К. Любавский отмечал, что Лаппо «страдает некоторыми преувеличениями и неправильною оценкой фактов. Источник этого надо искать в литовском патриотизме, одушевлявшем автора при написании этой главы. И.И. Лаппо всей душой на стороне литовцев против поляков, и это мешает ему по временам быть беспристрастным судьёй-историком и правильно оценивать факты... Не совсем объективен, на наш взгляд, И.И. Лаппо и в своих филиппиках по

русской истории Тартуского (Юрьевского) университета в 1905—1918 гг. // Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Т. IX. Вильнюс, 2005. С. 374—391; Ковалев М.В. «Моя жизнь слилась с моею научною работою...»: профессор Иван Иванович Лаппо (1869—1944) // Новая и новейшая история. Т. 63. 2019. № 6. С. 162—187.

⁴ Ambroziak T. Ivan Ivanovich Lappo's Views on the Circumstances of Establishing the Union of Lublin in the Context of Pre-Revolutionary Russian Historiography // Zapiski Historyczne. Т. LXXXIV. 2019. Z. 4. S. 97—122.

⁵ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Опыт исследования политического и общественного строя. Т. 1. СПб., 1901.

⁶ Akta unji Polski z Litwą. 1385—1791. Kraków, 1932. S. 331—362.

⁷ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 151.

адресу поляков и их поведения на Люблинском сейме 1569 года»⁸. «Страстным увлечением Литвой» назвал отношение автора к предмету его интереса также С.М. Середонин, утверждавший, что высказанная Лаппо «точка зрения ни русская, ни польская, она — литовская». Середонин отметил, что взгляды учёного, который «скорбит об Унии, негодует на эгоизм Польши, называет польских королей-Ягеллонов клятвопреступниками, некоторые привилеи их — “гнилыми и позорными” или “клятвопреступным хламом блестящих Ягеллонов”», довольно далеки от современного ему состояния исторической науки⁹.

Несмотря на то, что в рассматриваемой работе изучены вопросы государственного устройства Речи Посполитой, в ней в принципе отсутствуют не только какие-либо углублённые общие теоретические или методологические рассуждения о характере или моделях государства, но и анализ того, чем являлась созданное в Люблине образование. В частности, Лаппо не проводит анализ форм соединения государств, не ставя тем самым вопрос о том, чем на самом деле являлась польско-литовская Речь Посполитая — унитарным государством, федерацией или реальной унией. Между тем проблема форм соединения государств была в то время известна не только европейской, но и российской науке¹⁰. Лаппо касается данного вопроса лишь вскользь, отмечая, что «уния создала двух контрагентов и федерацию двух государств»¹¹. Однако эта мысль не вытекает из каких-либо рассуждений автора о формах государственности (учёный не даёт дефиницию понятия «федерация», не указывает, каким образом он её понимает, какие элементы государственного устройства Речи Посполитой позволяют её определить как федерацию), но является лишь элементом его выводов об «отдельности» Великого княжества в рамках польско-литовского государства.

Вторая сложность в реконструкции способа понимания учёным характера Люблинской унии заключается в эволюции использованного им понятийного аппарата. В труде, который изначально задумывался как второй том его монументального исследования, но превратился в самостоятельную работу¹², учёный заметно лучше оперирует терминологическим аппаратом и методологией историка права.

Интересующих нас сюжетов в большей степени Лаппо коснулся в работе, изданной в 1917 г. Изучение формы государственности Речи Посполитой после 1569 г. не являлось в этом труде главной целью автора. Эти рассуждения

⁸ Любавский М. [рец. на кн.:] И.И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Опыт исследования политического и общественного строя // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1902. № 4. С. 491—492.

⁹ Середонин С.М. [рец. на кн.:] И.И. Лаппо. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569—1586). Опыт исследования политического и общественного строя // Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских. 1905. Кн. 1. С. 5, 9—10.

¹⁰ Zachariä H.A. Zur Schleswig-Holsteinischen Frage. Göttingen, 1847; Juraschek F. von. Personal- und Realunion: Mit einem Anhang: Das rechtliche Verhältniss zwischen Oesterreich und Ungarn. Berlin, 1878; Jellinek G. Die Lehre von den Staatenverbindungen. Wien, 1882; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Пособие к лекциям. Т. 1. СПб., 1892. С. 73—83; Коркунов Н.М. Русское государственное право. Общая часть. Т. I. Введение и общая часть. СПб., 1899. С. 141—152; Лазаревский Н.И. Уния (гос. право) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XXXIVa (1902). СПб., 1902. С. 833—834; Пергамент М.Я. Юридическая природа реальной унии. Одесса, 1893.

¹¹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 226.

¹² Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия: Литовско-Русский повет и его сеймик. Юрьев, 1911.

были лишь элементом обоснования тезиса о том, что III Литовский статут был утверждён только королём Сигизмундом III, а не совместным польско-литовским сеймом. Доказывая этот тезис, учёный заявлял, что польская сторона не имела права решать вопрос утверждения Статута и что это являлось исключительно литовским делом в силу особенности статуса Великого княжества в рамках совместной Речи Посполитой. Описывая этот статус, Лаппо утверждал, что «исполнение постановления Люблинского сейма о слиянии Княжества и Короны в единое “тело” и единое государство оказалось невыполнимым». На Люблинском сейме не удалось создать унитарное государство и провести инкорпорацию Литвы в состав Польши. Учреждённая в 1569 г. Речь Посполитая являлась государством федеративного типа, в котором «Великое Княжество Литовское удержало... значение равноправного с Польшей государства... зорко и стойко» охраняя «свои государственные права». Остатки федерации учёный усматривал даже в самой Польше, не поясняя, однако, что именно имел в виду¹³.

Подкрепляя своё мнение о федеративном устройстве Речи Посполитой, учёный отсылал к высказанному польским историком Станиславом Кутшебой в работе «Historia ustroju Polski» мнению о том, что Литва после унии сохранила государственную «отдельность». Однако ссылка Лаппо на данный аргумент оказалась весьма выборочной, поскольку в предыдущем предложении Кутшеба утверждал, что Речь Посполитая являлась реальной унией, а не федерацией, как полагал Лаппо¹⁴.

Если историк в своих работах лишь вскользь касался вопроса о характере возникшего в 1569 г. образования, то каким образом он его определял? Свою работу «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория» Лаппо начал с почти дословного пересказа акта унии. Единственным заметным отличием является употребление учёным термина «государство» («Королевство Польское и Великое княжество Литовское, согласно этому привилею, сливаются в единое и нераздельное тело и единое общее государство, которое образовалось через слияние и соединение в один народ и одно государство двух государств и народов»)¹⁵ вместо использованного в самом акте польского термина «речь посполитая» («jedno nierozdzielne i nierozne ciało, a także nierozna ale jedna a spolna Rzeczpospolita»)¹⁶. Подобный шаг вряд ли является следствием всесторонних и основательных рассуждений: для определения созданного в 1569 г. образования кроме понятия «государство» Лаппо использовал разные термины и выражения: «спольная Литовско-Польская Речь Посполитая», «соединение Польши и Литвы», «польско-литовское соединение»¹⁷. Последнее является повторением употребленного в 14-й статье акта Люблинской унии выражения «zjednoczenie» («te wszystkie statuta aby żadnej mocy nie miały jako prawu, sprawiedliwości i też spolnej braterskiej miłości i unji a

¹³ *Ланно И.И.* К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года. Пг., 1917. С. 28—29, 31, 34.

¹⁴ «Zresztą jednak Litwa zachowała odrębność państwową» (*Ланно И.И.* К вопросу об утверждении Литовского Статута... С. 29; *Kutrzeba S.* Historia ustroju Polski w zarysie. T. 2: Litwa. Lwów; Warszawa, 1914. S. 196).

¹⁵ *Ланно И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 1—5, 7—8.

¹⁶ Akta unji Polski z Litwą... S. 343.

¹⁷ *Ланно И.И.* Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 2, 3.

zjednoczeniu spólnemu przeciwne»)¹⁸. То, что в данном месте учёный опирался именно на текст источника, подтверждает использование этого выражения при передаче содержания того же положения акта («все статуты и уставы... не должны иметь силы, как противные праву, справедливости, общей братской любви и Польско-Литовскому соединению»). Все эти выражения, вероятнее всего, употреблялись историком как синонимы — лучшим тому примером является подведение им итогов всего этого фрагмента: «Таково полное содержание знаменитого Люблинского договора, *соединявшего* Великое княжество Литовское с Польским королевством *в одно государство, сливавшего* две различные “*речи посполитые*” в единую, “*спольную*”, общую (курсив мой. — Т.А.)»¹⁹.

Подобное разнообразие терминов обнаруживается и в других работах учёного. В изданной в 1906 г. статье Лаппо писал о «соединенной Польско-Литовской Речи Посполитой»²⁰. То же выражение он употреблял в монографии 1911 г., но наряду с другими, говоря, например, о «соединённом Польско-Литовском государстве»²¹. Иную картину видим в работе «К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года», где историк использовал термин «государство» для обозначения не только всей Речи Посполитой после 1569 г., но и Великого княжества Литовского как до, так и после Люблинской унии. Относительно последнего Лаппо утверждал, что в некоторых артикулах III Литовского статута (1588) «особенно отчётливо выражено самостоятельное значение особого государства Великого Княжества Литовского»²².

Наряду с понятием «государство», однако, появляется, вслед за источником, и другой термин — «панство». Этот несомненный полонизм (семантическое поле которого, кстати, являлось широким и разнообразным)²³ встречается в разных местах этой работы (обычно он взят в кавычки, что отчётливо даёт понять условность этого заимствованного из источников термина). Описывая положения III Статута, Лаппо утверждал, что он был «дополнен постановлениями, обеспечивающими интересы “панства” Княжества и его “народа”»; «События эпохи первых десятилетий после Люблинской Унии ясно обнаруживают... постоянное стремление Великого Княжества Литовского отстоять значение своего “панства”»²⁴.

Термин «панство» появился уже в ранних работах И.И. Лаппо. В труде «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория» данное слово встречается преимущественно в цитатах из источников, но не как элемент терминологии. Но уже в работе «Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия» историк начал употреблять его в собственных размышлениях, отмечая, например, что III Литовский статут определил «строй Княжества на всё последующее время его истории

¹⁸ Akta unji Polski z Litwą... S. 345.

¹⁹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 3, 7.

²⁰ Лаппо И.И. Похищение государственной печати Великого княжества Литовского в 1581 году (отдельный оттиск из Сборника статей в честь В.И. Ламанского). СПб., 1906. С. 7.

²¹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия... С. 375, 416, 496.

²² «Польская Корона и Великое Княжество Литовское отныне должны составлять единое нераздельное тело и единое общее государство» (Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 18—20, 28).

²³ Bem-Wiśniewska E. Funkcjonowanie nazwy Polska w języku czasów nowożytnych (1530—1795). Warszawa, 1998. S. 149—156; Słownik polszczyzny XVI wieku. T. XXIII. Warszawa, 1995. S. 213—228.

²⁴ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 24, 28.

как “панства”²⁵. Взаимное отношение терминов «государство» и «панство» не до конца ясно. В отдельные моменты складывается впечатление, что понятие «панство» означает нечто меньшее, чем «государство». Лаппо писал, например, о правах «шляхты и Литовско-Русского “панства”», которые должны быть сохранены после унии в соединённом Польско-Литовском государстве²⁶. С другой стороны, об их синонимическом использовании может свидетельствовать фрагмент рассуждений автора об исправлениях, внесенных во II Статут в 1578 г. Лаппо утверждал, что они «не могли ставить и вопроса о том, “втелено” ли Литовско-Русское государство в Польскую Корону, или же представляет собою самостоятельное “панство”, находящееся с ней в договорных отношениях Унии»²⁷.

Своей главной задачей, видимо, Лаппо считал не теоретические и методологические рассуждения над характером Люблинской унии и созданной в её итоге Речи Посполитой. Для реконструкции исследовательских целей автора обратимся к основным моментам видения историком Люблинской унии. Заметную часть первой главы труда «Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской Унии до смерти Стефана Батория» занимает описание событий Люблинского сейма и способа заключения унии. Здесь учёный обратился к нескольким сюжетам. Он выделил три основных пути совершения «дела унии». Первый из них заключался в отказе от положений и условий предыдущих актов польско-литовских уний и создании совершенно нового договора. Учёный сформулировал эту мысль с присущей ему выразительностью: по его мнению, этот путь заключался в том, чтобы «отбросить весь этот клятвопреступный хлам блестящих Ягеллонов и вновь приняться за дело начисто без всяких справок с гнилыми и позорными привилегиями клятвопреступников-королей, сговориться заново об условиях Унии двух государств»²⁸. Именно по этому пути хотела пойти Литва. Её представители допускали заключение унии, но требовали соблюдения прав своего государства. Реализацией этого пути был литовский проект унии, хотя и делавший ряд уступок полякам и предусматривавший «вечное соединение с Польшей», но с сохранением «полной osobности местного управления и законодательства», а также «во всей неприкосновенности титула и чести государства Литовско-Русского и его врядов». Как утверждает учёный, Великое княжество в этом проекте «не требовало себе ровно ничего нового в смысле расширения или увеличения своих прав, а лишь стремилось сохранить тот политический строй, который оно имело до Люблинского сейма 1569 года». Мало того, оно ещё и делало ряд уступок польским объединительным стремлениям²⁹.

Совершенно иным оказался путь, по которому желала идти Польша (здесь Лаппо имеет в виду прежде всего Посольскую избу сейма). Поляки стремились к полной инкорпорации Великого княжества, настаивая на том, что таким образом они лишь осуществляют старые привилегии и акты. Польша не сомневалась в наличии подобных прав «и обращалась к королевской власти, призывая её к насильственному разрешению её влечением дела, требуя королевского приказанія неговорчивым Литовцам». Иными словами, поляки считали, что

²⁵ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия... С. 415.

²⁶ Там же. С. 485.

²⁷ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 28.

²⁸ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 23.

²⁹ Там же. С. 13, 26.

заклучение унии не требует создания новой правовой ситуации, каких-либо качественных преобразований или «творчества в области политического строя создаваемого государства». По их мнению, соединение Польши и Литвы требовало только исполнения давно уже существующих норм и было «делом, требующим исключительно энергии и настойчивости». Норм, добавляет Лаппо, в той интерпретации, которая утвердилась «в шляхетных головах Коронных обывателей»³⁰. Таким образом, поляки добивались лишь включения Великого княжества в состав совместного государства, его полной и принудительной инкорпорации, совершенно не заботясь о том, чтобы заключаемая уния была действительно равноправной и «братской», не понимая возражений представителей Литвы. Поляки, по мнению автора, готовы были вносить изменения в условия унии, но главным образом там, где этого требовал их собственный интерес, делая вид, что это является уступкой Литве³¹.

Третьим путём хотел пойти польский сенат, который представил свой, компромиссный вариант унии, отвергнутый, однако, Посольской избой. В другом месте учёный указал, что сенаторы также руководствовались собственно польским интересом: опасаясь, что включение киевского воеводства в состав Короны повлечёт необходимость финансирования его обороны, они предлагали оставить его в рамках Великого княжества, чтобы Литва продолжала нести на себе это бремя³².

Заметную часть труда Лаппо занимает описание споров вокруг содержания акта Люблинской унии и его принятия, а также споров во время принесения присяги. Историк отметил, что сразу после заключения унии, 4 июля, в Посольской избе возникли очередные прения, касающиеся мест заседания представителей различных воеводств, хранения и расходования квартиры, а также компетенций литовских должностей. Всё это, по мнению учёного, убедительно свидетельствовало о различии интересов обеих частей Речи Посполитой³³.

И.И. Лаппо отметил те элементы, которые после Люблинской унии отличали Корону и Литву. Среди них он упомянул название Великого княжества, его права и обычаи, русский язык, монету, непроведение в Литве «экзекуции прав», а также наличие границы с Коронной и существование отдельных литовских должностей. Именно эти элементы, по его мнению, «постоянно напоминали обывателям литовским, что они члены Литовского княжества, а не Польского королевства»³⁴. Он отметил кроме того, что сенат и сейм распались «весьма заметно» на две части: коронную и литовскую, «механически соединённые, а не органически слитые»³⁵. Последнее утверждение автора не до конца понятно. Он не объяснил, что имел в виду, определяя соединение этих частей как чисто механическое, каким образом они должны были бы быть соединены, чтобы это соединение оказалось органическим, как он понимает это определение, наличие каких элементов свидетельствует об «органическом» характере соединения и почему то, которое возникло в итоге Люблинской унии, этим требованиям не соответствует. С этим выводом не согласился в рецензии на труд Лаппо С.М. Середонин. Он полагал, что заключённый в Люблине союз

³⁰ Там же. С. 8, 9, 11.

³¹ Там же. С. 14, 51.

³² Там же. С. 15, 31—32.

³³ Там же. С. 48—64.

³⁴ Там же. С. 85.

³⁵ Там же. С. 222—223.

польской и литовской шляхты «сложился органически, как внутренняя потребность литовской шляхты, а вовсе не был результатом деятельности королей» и поэтому оказался «необыкновенно прочным», несмотря на неблагоприятные условия для его продолжения (прекращение династии Ягеллонов, бегство новоизбранного короля Генриха, споры между Великой и Малой Польшей)³⁶.

Особое внимание Лаппо уделил вопросу сохранения литовских должностей. Согласие на эту уступку со стороны поляков оказалось, по мнению учёного, совершенно непродуманным шагом. Они не понимали истинного смысла этого момента и всех вытекающих из него последствий, в том числе того, как в будущем будет устроен совместный сейм. Стремясь слить польский и литовский сейм воедино, они «не предвидели никаких затруднений при этом слиянии, необдуманно клянясь сохранить неприкосновенными значение и права Литовских урядов»³⁷. Лаппо признал, что стремление сохранить литовские должности отнюдь не вытекало только из идеалистического намерения защитить честь и значение государства, но также из чисто «материального желания» литовских урядников и сенаторов сохранить собственные «вряды»³⁸. Но именно это стремление, как подчёркнул учёный, спасло Великое княжество от полного слияния с Короной. Особое значение имело, что эти должности (прежде всего должность великого литовского маршалка) играли определённую роль в работе сейма. «Пока существовало сеймовое значение высших врядов Литовских, до тех пор у Литовского народа всегда перед глазами стояли внешние, видимые и осязаемые для каждого знаки отдельности Литвы и Польши. Они были как бы маяками, которые освещали Литовскую отдельность»³⁹.

Другим элементом, на котором историк заострил внимание, был вопрос включения в состав Короны подляшского, волынского, киевского и брацлавского воеводств, а также наличия границы между Короной и Великим княжеством. Отторжение от Литвы этих воеводств, как утверждал Лаппо, вскрыло «с оскорбительною наготой эгоистичное отношение Поляков к своей “братии” Литовцам» и усилило осознание Великим княжеством своей обособленности от Короны. Включение этих земель в состав Короны свидетельствовало, по мнению учёного, о том, что Польша и Литва не составляли единого государства — в противном случае не было бы необходимости проводить какие-либо территориальные изменения, и все воеводства и земли Речи Посполитой образовывали бы единое целое. Вызванное этим шагом недовольство Литвы унией и недоверие её представителей к коронной шляхте (за действиями которой необходимо было с этого времени постоянно и бдительно следить) усиливало её стремление к внутренней интеграции. Таким образом, Люблинский сейм, продемонстрировав эгоизм поляков, только усилил чувство обособленности со стороны Литвы⁴⁰. Вызванное этим шагом недоверие, как утверждал Лаппо, с 1569 г. касалось также совместного польско-литовского сейма, что являлось, по

³⁶ Середонин С.М. Указ. соч. С. 15.

³⁷ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 66.

³⁸ Подобное мнение, правда, в защиту поляков, высказал в рецензии на данный труд М.К. Любавский, по мнению которого, литовская аристократия «одушевлялась далеко не одними патристическими чувствами, а и опасениями за свою власть и влияние»: Любавский М. Указ. соч. С. 493.

³⁹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 80.

⁴⁰ Там же. С. 81—82.

его мнению, важной причиной развития институтов сеймиковой инструкции и реляционных сеймиков⁴¹.

Стоит отметить две слабые стороны этих рассуждений автора. Во-первых, включение подляшского, волынского, киевского и брацлавского воеводств в состав Короны произошло в марте—июне 1569 г., ещё до заключения Люблинской унии и превращения этих государств в одно совместное образование. Следовательно, оно может свидетельствовать лишь о состоянии дел до, а не после заключения унии. Во-вторых, описание настроений и позиций представителей Литвы не основано автором на источниковом материале и является во многом лишь умопостроением учёного.

Ещё одним моментом, к которому обратился Лаппо, является описание работы Люблинского сейма после заключения унии. Он провёл анализ способа участия представителей Короны и Литвы в рассмотрении двух категорий вопросов: касающихся всей Речи Посполитой и тех, что затрагивали лишь одну из её частей. Изучая общегосударственные дела, историк привёл пример проблемы организации обороны от Москвы. Это, кстати, один из немногих моментов его труда, когда он отметил расхождения во взглядах между представителями Литвы, до того представляемыми в своей политической деятельности почти как некое гомогенное целое. Оказалось, что литовские послы требовали освобождения литовской шляхты от налогов на оборону, наподобие прав польской шляхты, которая не была обязана платить постоянные налоги благодаря наличию в Короне доходов из так называемой кварты, предназначенных на оплату армии. Литовские сенаторы, наоборот, желали не допустить введения кварты в Великом княжестве⁴². Основная линия конфликта всё же проходила между Коронай и Литвой. По мнению Лаппо, даже в столь важном вопросе, как оборона границ совместного государства, оказалось, существовали заметные различия между его частями: разные системы налогообложения и их разные, эгоистичные интересы. Они были настолько существенными, что поставили под вопрос единство Речи Посполитой, которое оказалось мнимым. «Казалось бы, какое дело должно быть более общим для всего соединенного государства, если не дело защиты от общего врага, а между тем видим полное разделение вопроса о защите государства на два: защиту Польши и защиту Литвы». Подобный вывод сделан исследователем на основе анализа способа участия представителей Короны и Литвы в рассмотрении сеймом дел, касающихся лишь одной из частей Речи Посполитой. Оказалось, полагал учёный, что послов и сенаторов из Великого княжества интересовали либо общегосударственные, либо сугубо литовские вопросы, но они не участвовали в рассмотрении дел, касающихся исключительно Короны. Аналогично поляков не интересовали литовские проблемы — историк указал на ряд случаев, когда ими занимались одни послы и сенаторы Великого княжества. Отсюда следовал вывод об «особности» Литвы, которая сама обсуждала свои проблемы и готовила касающиеся её конституции, представляемые уже в готовом виде всей Посольской избе. Лишь в случае их конфликта с коронными конституциями возникала процедура согласования. По мнению учёного, на Люблинском сейме в очередной раз проявились эгоистичные стремления обеих частей Речи Посполитой и их желание заботиться

⁴¹ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское во второй половине XVI столетия... С. 456, 486.

⁴² Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 71.

только о собственном интересе. Даже чтение конституций превращалось в ссоры и манифестацию недоверия друг к другу⁴³.

С какой целью И.И. Лаппо столь подробно описывал события Люблинского сейма? Исследователь указывал, что это необходимо для выяснения «почвы, на которой развивались отношения Литвы и Польши в последующие десятилетия»⁴⁴. Однако в действительности можно полагать, что цель учёного была несколько иной. Указание ряда отличий между Короной и Великим княжеством, споров и ссор между их представителями, а также эгоизма поляков, что так отчётливо проявились, по мнению историка, в период сейма и во время заключения унии, должны были стать доказательством существования сильного чувства обособленности обеих частей государства после 1569 г. Описание Люблинского сейма должно было доказать основной тезис автора, которым являлось сохранение отдельности обеих частей Речи Посполитой после Люблинской унии: «Основным выводом, который с полной очевидностью следует из всего изложенного выше, является *отдельность Княжества от Короны, ясно сознаваемая и Поляками, и Литовцами XVI столетия* (курсив И.И. Лаппо. — Т.А.)... так резко провозглашаемая реальной действительностью, несмотря на звучащее фальшивым звуком официальной лжи заявление акта Унии, что оба государства составляют “jedno ciało” — единое тело». Эта отдельность подчёркивалась сохранением роли литовских должностей на совместном сейме, «что делало и самый сейм не Коронным, как его обозначает договор Унии, а Польско-Литовским сеймом соединённых представителей *двух отдельных частей государства* (здесь и далее курсив мой. — Т.А.)». Неудивительно, по мнению историка, что такое значение придавалось вопросу включения в состав Короны подляшского, волынского, киевского и брацлавского воеводств, а также проведению разграничения между Польшей и Литвой: «Это были границы *двух государств*, имеющих лишь общее высшее правительство». «В самом деле Литовское великое княжество осталось и после 1569 года со своими порядками и особенностями»⁴⁵.

Приведённая цитата является в определённой степени заключительным выводом исследователя. Однако следует отметить, что из логики его размышлений вытекает лишь вторая часть приведённого в предыдущем абзаце вывода, так как с самого факта сохранения Великим княжеством Литовским «особенностей» и «своих порядков» не вытекает ещё, что оно являлось государством. Не вдаваясь в рассуждение о критериях признания того или иного образования государством, стоит отметить, что для признания наличия государственности необходимо опереться на некие критерии, тогда как для того, чтобы отметить некие «особенности», достаточно лишь выявить их наличие. В то же время Лаппо не произвёл анализа понятия «государство» и его различных форм, что позволило бы подойти к решению данной проблемы.

Второй вопрос, который возникает в отношении утверждения исследователя, заключается в непоследовательном понимании сути возникшего в итоге Люблинской унии образования — Речи Посполитой. Подчёркнутые выше фрагменты цитат труда учёного показывают, что в одном месте историк писал об одном государстве, состоявшем из двух отдельных частей, тогда как в дру-

⁴³ Там же. С. 73, 74, 78—79.

⁴⁴ Там же. С. 79.

⁴⁵ Там же. С. 79—80, 85.

гом — о двух государствах, которые продолжали существовать после 1569 г.⁴⁶ Подобную неточность мы находим в статье «К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года», где учёный отметил, что на Люблинском сейме было решено, что Корона и Литва «отныне *должны* составлять единое нераздельное тело и единое общее государство», но планируемая инкорпорация «не осуществилась в действительности, и Великое Княжество Литовское удержало после Унии *значение равноправного с Польшей государства*». Соответственно, можно полагать, после 1569 г. мы имеем дело не с одним, но с двумя соединёнными государствами. Но в следующей части данного предложения, поясняя свою позицию, Лаппо пишет об одном федеративном государстве: «т.е. соединённая Речь Посполитая вылилась в форму *государства* не унитарного, а федеративного типа»⁴⁷. Обозначенная проблема вытекает во многом из указанного выше отсутствия у учёного общих теоретических рассуждений о формах соединения государств. Подобная непоследовательность обнаруживается в рассуждениях Лаппо о литовской шляхте. Учёный сначала говорит о наличии «народа Речи Посполитой Польско-Литовской»⁴⁸. Следовательно, как можно полагать, общему государству соответствовало наличие одного народа — шляхты. С другой стороны, историк выступал против «трактования шляхты польской и литовской вместе, не разделяя их», указывая на языковой и отчасти религиозный факторы как на главные различия между ними⁴⁹.

Стоит также задаться вопросом, при помощи каких понятий И.И. Лаппо обозначал правовое положение Литвы в составе Речи Посполитой после Люблинской унии. Как мы видели, главный тезис учёного заключался в сохранении Великим княжеством после 1569 г. некоего особого статуса. Чаще всего историк для обозначения характера правовой связи между Польской Коронай и Великим княжеством Литовским использовал термин «отдельность», как в приведённой выше цитате, которую сам Лаппо называл основным своим выводом⁵⁰. Встречается он и в других работах историка. В статье «К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года» он утверждал, что в приведённых им артикулах III Литовского статута прослеживается «сохранение полной отдельности от Польши Великого Княжества Литовского»⁵¹.

Однако кроме термина «отдельность» в рассуждениях Лаппо, посвящённых статусу Литвы в рамках Речи Посполитой, появляется также понятие «самостоятельность». Учёный отметил, что после 1569 г. «государственная печать Литовская получила новое значение — она явилась символом самостоятельного политического значения Княжества в соединённой Польско-Литовской Речи Посполитой»⁵². Историк утверждал, что в III Литовском статуте «с такою же ясностью и определённою, как в том самом Статуте 1566 года», про-

⁴⁶ Там же. С. 80, 85.

⁴⁷ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 18, 28.

⁴⁸ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 229.

⁴⁹ Стоит отметить, что в случае внутрилитовских отношений эти же факторы переставали, по мнению учёного, играть особую роль, и «шляхетные обыватели Великого княжества Литовского, несмотря на различие национальное, сливаются в плотную, весьма объединённую массу» (Там же. С. 229—230). Против подобного утверждения возразил С.М. Середонин, полагавший, что нельзя говорить о наличии одного литовского «народа», и различал русское и литовское население Великого княжества (Середонин С.М. Указ. соч. С. 11).

⁵⁰ Лаппо И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии... С. 79.

⁵¹ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 21.

⁵² Лаппо И.И. Похищение государственной печати... С. 6—7.

слеживалось значение Литвы «как самостоятельного отдельного “панства”», указывая артикулы Статута, в котором это «самостоятельное значение особого государства Великого Княжества Литовского» выражено «особенно отчетливо». Вопрос о том, «втелено» ли Литовско-Русское государство в Польскую Корону, или же представляет собою самостоятельное “панство”, находящееся с нею в договорных отношениях Унии», историк считал ключевой проблемой в деле «поправки» II Литовского статута⁵³.

С мнением учёного во многом не согласился М.К. Любавский, утверждавший, что «уния 1569 года хотя и не слила Польшу и Литву в единый государственный организм, но всё-таки связала их крепкими государственными узами и установила надолго симбиоз их политических организмов». Выводы Лаппо, полагал Любавский, необходимо в значительной степени ослабить, поскольку тот, «увлекаясь проявлениями национально-политической самостоятельности литовцев», неправильно толковал ряд фактов и явлений, на основе которых он пришёл к мнению о самостоятельности Великого княжества⁵⁴.

К сожалению, оба понятия — «отдельность» и «самостоятельность» — являются довольно общими, что не позволяет реконструировать с уверенностью как их взаимное соотношение, так и способ понимания Лаппо сути правовой связи между Короной и Великим княжеством после 1569 г. Решение данной задачи осложняется также проблемами с определением способа понимания учёным характера учреждённого в Люблине государственного образования — польско-литовской Речи Посполитой.

Можно констатировать, что, хотя изучение характера Люблинской унии и польско-литовской Речи Посполитой не являлось непосредственной целью И.И. Лаппо, он всё же уделил этой проблеме большое внимание. Но её рассмотрение являлось лишь элементом его общей концепции и было подведено под основной тезис историка, заключавшийся в сохранении Великим княжеством Литовским определённой степени самостоятельности и особенности от Польской Короны после 1569 г. Учёный указал на ряд элементов государственности, которые Литва сохранила после Люблинской унии, и именно поэтому труды Лаппо по-прежнему высоко оцениваются современной историографией. Однако нельзя не отметить, что в работах историка присутствуют неточности и непоследовательность. Несомненно, многое Лаппо удалось. Другие же задачи, в частности тщательный анализ юридического характера Речи Посполитой с использованием инструментария не только исторической, но и правовой и политической науки, остаются на повестке дня.

⁵³ Лаппо И.И. К вопросу об утверждении Литовского Статута 1588 года... С. 19—20, 28.

⁵⁴ Любавский М. Указ. соч. С. 493, 496.